НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ

УДК 330.88 + 338.24.01

JEL: B52, H4, Z18

DOI: 10.17213/2312-6469-2019-6-5-20

ПРИНЦИП ДИОГЕНА, ПРОВАЛЫ ИНСТИТУТОВ И ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ МИССИЕЙ И ФУНКЦИЕЙ

© Н.П. Горидько, Р.М. Нижегородцев 2019

*Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН,
г. Москва, Россия*

По мере развития информационных технологий нарастает количество отраслей, в которых внешние эффекты довлеют над прямыми, встроенные стабилизаторы подают участникам рынка искаженные ценовые сигналы, а связь между затратами и результатами становится все менее очевидной, по крайней мере в обозримом периоде, доступном для проведения надежных расчетов. Поэтому агенты, принимающие решения, часто формализуют критерии успешности, дабы иметь некий ориентир для понимания того, в нужном ли направлении развиваются управляемые процессы. Тем не менее, формализация институтов неизбежно порождает неблагоприятный отбор, а выдвигаемые ими формальные барьеры входа подлежат формальному преодолению, что и составляет суть предложенного авторами принципа Диогена.

Ключевые слова: формальные институты, неблагоприятный отбор, принцип Диогена, барьеры входа, провалы институтов, миссия и функция в стратегическом управлении, принятие решений.

THE DIOGENES PRINCIPLE, INSTITUTIONAL FAILURES AND CONTRADICTION BETWEEN A MISSION AND A FUNCTION

© N.P. Goridko, R.M. Nizhegorodtsev 2019

*Trapeznikov Institute of Control Sciences, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

With the development of information technologies, the number of industries in which external effects prevail over direct one increases, built-in stabilizers give distorted price signals to market participants, and the relationship between costs and results becomes less obvious, at least in the foreseeable period available for reliable calculations. Therefore, decision-making agents often formalize success criteria in order to have a guide for understanding whether the

managed processes are developing in the right direction. Nevertheless, the formalization of institutions inevitably generates adverse selection, and the formal entrance barriers put forward by them are subject to formal overcoming, which is the essence of the Diogenes principle proposed by the authors.

Keywords: *formal institutions, adverse selection, Diogenes principle, entry barriers, institutional failures, mission and function in strategic management, decision-making.*

Когда началась эта странная
зависимость между обострением
жажды и замутнением источника?

Владимир Набоков, Дар

Формализация институтов в принятии решений

С развитием информационных технологий возникает ошибка (довольно распространенная), состоящая в том, что виртуальная экономика воспринимается как некое дополнение к реальной, как нечто от нее отдельное и взаимодействующее с ней. На самом деле виртуальная экономика – это не какой-то отдельный «сектор», а все та же экономика, только технологическое содержание у нее другое, это реальная экономика, просто эта реальность немного поменялась.

Цифровая экономика – это не синоним внедрения цифровых технологий. Цифровая экономика начинается там, где эти технологии влияют на принятие решений, где возможности этих технологий встраиваются в логику управления хозяйственными процессами [1].

Когда решения принимаются авторитарным образом (т.е. на основе концентрации полномочий), то имеет смысл обсуждать личные качества человека или группы людей, в чьих руках эти полномочия сконцентрированы: добрый у нас царь-батюшка или злой и чего нам от него ожидать.

Но если у нас либеральная (распределенная) система управления и принятия решений, основанная на делегировании полномочий, то есть смысл обсуждать институты, процедуры принятия решений – хороши они или плохи и в какой степени позволяют учесть интересы разных групп стейкхолдеров, какие у разных групп есть легальные возможности повлиять на ход событий и на принятие решений.

Как механизмы согласования интересов, так и результаты этого согласования не могут оставаться неизменными на сколько-нибудь длительный период. И процедуры этого согласования, и его итоги подвержены конъюнктурным изменениям и, вообще говоря, должны меняться от одной фазы промышленного цикла к другой [2].

Поэтому идея о том, что нужно выбрать какое-то «правильное» соотношение элементов тройной спирали или единственно верные механизмы взаимодействия стейкхолдеров, – это неправильная мысль. Им нельзя раз

навсегда договориться, потому что экономическая реальность требует изменений в соотношении их сил для того, чтобы экономика могла развиваться. И эти изменения (в частности, переговорной силы разных участников процесса) на самом деле происходят, в том числе в зависимости от изменений конъюнктуры.

К всесилью формальных институтов человек приучается с самого детства, со школы, где всех разделяют на отличников, хорошистов, троечников и двоечников, где одних ставят в пример другим и тем самым побуждают детей работать на отметку, а не на получение знаний. В то же время, наличие внешнего стимула бывает необходимо в тех случаях, когда смысл самого действия человеку не понятен. Спросите первоклассника: для чего ему учить таблицу умножения? Содержательного ответа на этот вопрос вы не получите, потому что он сам еще не знает, где и в чем это ему пригодится. Он ответит примерно так: чтобы нормальную оценку получить. В тот момент для него других стимулов нет. Хотя правильный ответ звучит так: потому что так сказал учитель. В восточной традиции этого должно быть достаточно, потому что требования учителя активизируют внутреннюю мотивацию. В западной традиции нужен внешний стимул в виде отметки.

В любой системе знаний существует схема, послушание, когда приходится делать то, что говорит учитель, не понимая, что ты на самом деле делаешь, а главное – зачем. Все это выяснится позже, но уж коль пришел учиться – надо слушаться, без этого дальше не пойдешь. Считать ли эти рамочные границы послушания формальным институтом – в общем, дело вкуса.

В свое время В. Набоков писал: тюрьма без тюремщика и сад без садовника – вот, по-моему, идеал. Можно добавить: и школа без отметок. Сказать, что хорошие знания учеников невозможны без наличия классного журнала с отметками, – это все равно, что утверждать, будто входные двери не могут функционировать без наличия врезанных в них замков. Как сделать, чтобы процессы воспроизводились и развивались без внешних формальных стимулов? Это непростая задача, но во многих сферах общественного управления она актуальна. Формальные стимулы порождают обилие трансакций, необходимость которых очевидна, когда агент, принимающий решения (АПР), ищет пути формального преодоления барьеров, диктуемых формальными институтами.

Принцип Диогена

Формализация институтов в известной мере облегчает принятие управленческих решений, потому что формальные институты предписывают определенные алгоритмы поведения и действий в различных ситуациях, как стандартных, так и экстремальных. Введение формального рейтинга среди сотрудников (каковы бы ни были его критерии) облегчает линейному руководителю распределение надбавки к зарплате. Формализация правовых норм облегчает установление степени вины и определение меры

наказания. Формализация стратегии развития (как предприятия, так и страны) облегчает процесс аллокации ресурсов на требуемых направлениях.

В то же время, формализация институтов порождает неблагоприятный отбор во всех без исключения случаях, когда она совершается [3]. Некоторые исследователи видят в этом специфику рынков общественных благ и институциональные дисфункции объявляют провалами государства [4]. Такая точка зрения, на наш взгляд, недальновидна, поскольку те же самые эффекты проявляются на рынках любых благ (не только общественных) и любые агенты (не только государство) инвестируют в формирование дисфункциональных институтов.

Например, формализация отчетности в компании и установление системы сбалансированных показателей приводят к тому, что сотрудники перестают уделять внимание тем видам деятельности, которые невозможно включить в отчет, подобно тому как школьники, осваивающие учебную программу, не выполняют заданий, которых им не задают, даже в тех случаях, когда остается еще много материала, не охваченного их вниманием, а их желание разобраться в теме совершенно искренне.

Специфика государства как инвестора в формализацию институтов также имеет место, но она состоит не в наличии институциональных дисфункций, а в том, хорошо или плохо правительство решает проблему «наивного» инвестора, представляя совокупные интересы частных агентов в тех сферах, где это критически важно с точки зрения насыщения локальных рынков [5].

Формализация институтов на любых рынках приводит к одинаковым последствиям. Эти последствия отражаются утверждением, которое мы назвали *принципом Диогена: формальные институты порождают формальные барьеры входа, которые преодолеваются формально, и это формальное преодоление формальных барьеров вызывает неблагоприятный отбор*.

Стоит сказать, будто человек – это двуногое существо без перьев, как найдется Диоген, который оциплет петуха и скажет: вот ваш человек, полюбуйтесь. Любой формальный институт дает повод для диогеновских шуток такого рода.

Как только в вузах и НИИ ввели рейтинг ученых и преподавателей, в котором учитывается количество публикаций, наступила девальвация публикаций. Многие ученые занялись целенаправленным размножением печатных работ, увеличением их числа. Наименьшей бедой в этом размножении является так называемая «нарезка» (slicing), когда ученые делают отдельные публикации, посвященные мелким, вспомогательным результатам, и в них долго и подробно описывается, например, ход эксперимента, не ведущего к решению поставленной задачи.

При этом проблема увеличения количества публикаций ставится (и, естественно, решается) не на уровне отдельных частных лиц, а на уровне

организаций, которых Минобрнауки заставляет отчитываться о проделанной работе и которые готовы заплатить своим сотрудникам деньги, открывающие им дорогу к наличию высокорейтинговых публикаций [6].

Как только нам объяснили, что зарубежные журналы более научны, чем отечественные, а самые научные – это, конечно, американские, как тут же нашлись группы товарищей, которые в Америке зарегистрировали журналы, специально предназначенные стать коммерческими проектами для публикации статей, вне всякой связи со значимостью содержащихся в них научных результатов.

Для тех, кто верит в логику и эффективность формальных критериев, предлагается очередной оципаный петух имени Диогена. И таких оципанных петухов существует довольно много, они бродят целыми стаями по институциональному ландшафту, и в некоторых областях вся конструкция институционального регулирования, собственно, из таких диогеновских шуток и состоит.

В особенности много подобных институтов (рутин, шаблонов поведения) в управлении наукой и образованием – в тех сферах, где критерии успеха неочевидны (по крайней мере, в коротком горизонте) и управленцам приходится их искусственно изобретать, придумывать.

Чего стоит один лишь тезис о нецелевом расходовании средств на подготовку аспиранта, который не успел защитить диссертацию в отведенный ему правительством трехлетний срок обучения! А как быть, если человек защитился не через три года после поступления в аспирантуру, а через пять – это значит, что три года, проведенные в аспирантуре, прошли для него бесследно? А если через двадцать пять? Если дровосек рубит дерево в лесу, и оно падает после 21-го удара – это значит, что первые 20 ударов не нужно финансировать, нужно заплатить ему только за один, 21-й? Это точка зрения не ученого, а финансиста, причем не сильно обремененного пониманием ситуации.

Импорт формальных институтов в науке и образовании (ориентация на публикации, индексируемые в зарубежных базах данных, попытка вписаться в международные рейтинги вузов, приведшие к появлению программы 5-100, и проч.) приводит к растрате огромных государственных средств с весьма сомнительными результатами в плане повышения качества научных исследований и образовательных процессов. Общий вывод заключается в том, что это ущерб, нанесенный стране в особо крупных размерах, причем почти никакой пользы эта деятельность стране не приносит. Основными выгодоприобретателями являются в данном случае нерезиденты. Стоило очередному министру образования и науки правильно поставить этот вопрос, как министерство тут же разделили, дабы никто не мешал ключевым стейкхолдерам и дальше наносить стране этот ущерб.

Аналогичные проблемы существуют в здравоохранении. Казалось бы, правильная постановка диагноза – это хорошо, и за это медицинские учреждения следует поощрять, а неправильная – это плохо и достойно порицания. Однако формальный институт, проводящий грань между этими состояниями, оказался заострен до абсурда. Фонд обязательного медицинского страхования несколько лет назад ввел штрафные санкции для медицинских учреждений за расхождение прижизненного и посмертного диагнозов. Более того, в случае, когда патологоанатомический диагноз не совпал с клиническим, лечебным учреждениям в наказание еще и не оплачивают затраты на пролеченного больного. Результатом такого положения вещей является, как нетрудно догадаться, искаженная статистика. Во всем мире процент расхождений между посмертным клиническим и патологоанатомическим диагнозами — величина постоянная и колеблется в диапазоне от 10 до 20%, а в России, где всегда он был примерно на уровне 15%, в последние годы начал резко снижаться [7], однако испытывать радость по этому поводу было бы недальновидно.

Всевозможные рейтинги (например, индекс человеческого развития) заведомо ангажированны, и методики, по которым они вычисляются, далеко не бесспорны. Рейтинги создаются для того, чтобы показать, как хорошо живется в одних странах и как плохо в других. Тот, кто составляет эти рейтинги, разумеется, всегда оказывается на высоких позициях. Хороший пример такого рода – так называемое исследование, проведенное европейскими учеными с целью выявления сходства или несходства очертаний человеческих лиц. Разумеется, лица представителей европейской расы наиболее сильно друг от друга отличаются, тогда как азиаты оказались все друг на друга похожи. Причина данного факта в том, что критерии, закладываемые в основу измерения сходств и различий, придумывали европейцы. Возможно, в получении такого результата нет злого умысла, но данный пример показателен именно тем, что ангажированность носит не политический, а расовый характер. Очень многие исследования в самых разных областях проводятся примерно таким же образом.

Примерно так же выглядят «рейтинги счастья», в которых побеждают неизменно латиноамериканцы и африканцы, но западноевропейские и североамериканские страны всегда составляют львиную долю в числе 30 наиболее счастливых. Такой итог обусловлен тем, что представители этих стран придумывали вопросы, призванные выяснить уровень счастья. Быть счастливым по-колумбийски – не то же самое, что быть счастливым, например, по-польски. Перечень подобных псевдонаучных рейтингов можно продолжать.

Одним из них является так называемый репутационный рейтинг городов мира, составляемый консалтинговой компанией Reputation Institute. В подобном рейтинге 2018-го года Москва заняла последнее место [8]. Сто-

лица России расположилась на 56-й строчке рейтинга — ниже Каира, Мехико, Нью-Дели и Стамбула. Данный рейтинг составлялся по трем основным критериям: эффективное управление, развитая экономика и привлекательная окружающая среда. Авторы рейтинга, кроме того, учитывали уровень безопасности для жителей и туристов, а также уровень националистических настроений и социальной напряженности между жителями, и по этим показателям Москва набрала самые низкие баллы. Однако составители рейтинга отметили, что сами москвичи при опросах высоко оценивали свой город.

Если бы такого рейтинга не было, его нужно было бы придумать, ибо он показывает, чего стоят подобные рейтинги вообще. Любопытно, каким образом составители рейтинга оценивали уровень безопасности, если по количеству преступлений против личности, приходящихся на душу населения, Москву опережают не только Мехико и Каир, но и, например, Детройт и Чикаго. О националистических настроениях, которые нам постоянно приписывают, не стоит даже упоминать. Обнародовав упомянутый заказной рейтинг, и его заказчики, и исполнители окончательно разоблачили себя. Он сделан исключительно ради того, чтобы Москву поставить на последнее место в мире, а затем при помощи броских заголовков в СМИ этот факт распиарить.

Самое смешное, что в развитых странах давно переболели этими рейтингами, которые никому ни о чем на самом деле не говорят, и абсолютно их не учитывают при принятии решений. Они остаются аргументами только для стран периферийного капитализма, вроде России, которой активно пытаются навязать соответствующие рутины, алгоритмы принятия решений, основанные на всевозможных рейтингах и оценках «авторитетных» организаций и «независимых» экспертов.

Различные книги рекордов — из этой же серии диогеновских шуток. Можно под действием облучения радиацией или химикатов вырастить, например, тыкву такого размера, что положить ее будет нигде. Ну и что, что есть ее нельзя, — зато рекорд. Вот так на самом деле работают все без исключения формальные институты, импортом которых активно занимаются в России агенты, принимающие решения, под лозунгом возвращения в русло цивилизационного развития.

Аналогичным образом устроены и рейтинги спортсменов, составляемые на основании квантификации и последующего агрегирования их объективных характеристик (физиологических, технических, тактических). Вначале многие авторы верили в то, что эти рейтинги объективны и решают многие проблемы, связанные с принятием управленческих решений [9-11]. Но по мере расширения сфер применения рейтинговых оценок в спорте усиливаются голоса авторов, ставящих вопрос о том, почему игра отличная, а

статистика плохая, и насколько вообще могут быть объективны количественные, формальные оценки действий игрока на поле в командных видах спорта [12].

Многочисленные примеры ухудшающего отбора приносят нам неразумные попытки формализации процессов в виде их планирования, развернутого во времени. К этой категории относятся всевозможные «планы по выявлению врагов народа», хотя не существует ни одного исторического свидетельства, подтверждающего их наличие в сталинский период советской истории. Зато достоверным фактом является наличие плана по выявлению и высылению незаконных мигрантов в Великобритании, из-за которого весной 2018-го года разгорелся скандал, и министр иностранных дел этой страны была вынуждена уйти в отставку [13]. Это худший образец плановой экономики, перенесенный на капиталистическую почву. Подобный подход плохо отражается на планировании вообще, поскольку в рамках этого подхода подотчетные лица и организации склонны уделять внимание только тем показателям, которые можно включить в отчет. А как быть, если не выявлены незаконные мигранты? В этом случае как бы и отчитаться нечем.

К аналогичным последствиям приводит наличие искусственно создаваемых квот на представительство определенных меньшинств, когда вакантные места в ряде случаев заполняются в соответствии со спущенной «сверху» разнарядкой [14]. Например, требуется, чтобы среди дикторов той или иной телестудии непременно присутствовали представители сексуальных меньшинств, или чтобы в съемках кинокартины обязательно участвовали темнокожие актеры, что, кстати, нередко вредит исторической достоверности фильма, или чтобы в составе представительного органа власти мужчины и женщины были представлены в равных пропорциях. При этом взамен обсуждения профессиональных и деловых качеств претендентов возникают по сути два разных конкурса: среди мужчин на половину вакантных мест и среди женщин на другую половину.

Таким образом, формальные институты выражают *вмененные* критерии успешности, превратно отражающие содержание, которое АПР пытается обеспечить [15, глава 4].

Провалы институтов в условиях формализации

Провал института (дисфункция) возникает в случаях, когда при наличии как спроса, так и предложения благ наличие института запрещает им встретиться и отдаляет рынок данного блага от состояния равновесия [16]. Независимо от того, каким агентом введен и поддерживается этот институт, результат его действия будет совершенно одинаков.

Приведем простой пример такого рода.

Компания молодых людей сидит в кафе на третьем этаже многоэтажного торгового центра. Внезапно в этом кафе заканчивается вино, которое они пили, а они хотят заказать еще. Один из них вспоминает, что такое же

вино они только что видели тремя этажами ниже, в том же здании, в подвале, где располагается супермаркет. Они предлагают официанту принести оттуда это вино и продать его им втридорога. Официант объясняет, что это невозможно, поскольку означало бы несертифицированную поставку, а их кафе имеет право покупать продукты только у сертифицированных поставщиков, с которыми заключен контракт. Тогда следует вопрос: а если мы сами купим и принесем это вино, вы нам его откроете? Оказывается, это тоже запрещено, поскольку кафе само продает алкогольные напитки. В те дни, когда у них закончилась лицензия на продажу алкоголя, это было бы возможно, а в этот день – нет. Возникла ситуация, когда есть спрос на вино данного сорта и налицо его предложение, а встретиться они не могут. Это не провал рынка и не провал государства, это провал института. Институциональная среда устроена так, что рынок не может прийти в состояние равновесия.

Еще один пример провала института – отстранение ведущих спортсменов от соревнований. Они готовы выступать, и есть множество зрителей, готовых на них смотреть и платить за это. Т.е. налицо и спрос, и предложение, а встретиться они не могут: так устроена институциональная среда. Тот же Международный Олимпийский комитет готов терять доходы от трансляций, выслушивать негодование зрителей и т.д., но эти институты так работают.

Такая же ситуация возникает практически везде, где имеет место административный запрет. Например, запрет на свободную продажу оружия, который действует в большинстве стран мира: есть и спрос, и предложение, а институты запрещают им встретиться. В этом смысле провал института – это не всегда плохо. Как правило, он обусловлен какими-то соображениями: можно объяснить, почему нельзя то, что нельзя. Например, запрет на незаконную, несанкционированную продажу оружия или психотропных препаратов. Но с точки зрения рыночного равновесия это провал, он удаляет состояние локального рынка от равновесного.

А вот вопрос о том, хорошо это или плохо, должен (по крайней мере, в демократическом обществе) решаться демократическим путем, посредством гласного общественного обсуждения. Как, например, решается вопрос о запрете на свободную продажу оружия. Большинство граждан (по крайней мере, в России) высказалось за то, что этот запрет правилен и уместен, и он действует.

Может быть, самый очевидный пример провала института – запрет на продажу лекарств без рецепта. Плохо лишь то, что подобные запреты (равно как и постоянное расширение перечня лекарственных средств, под них подпадающих) никак не обсуждаются с пациентами, по крайней мере в нашей стране. Хотя понять, какие агенты станут основными бенефициарами очередных запретов в данной области, в общем, не так уж сложно. Прежде всего

это агенты, охраняющие свое квазимонопольное положение на рынках институциональных благ доступа к ресурсам (проще говоря, те, кто выписывает рецепты, заинтересованы в том, чтобы лекарств, покупка которых требует наличия рецепта, было максимально много). Вопрос в том, что проигрывают при таких изменениях и производители, которые недосчитываются выручки, и потребители, которые вынуждены заниматься самолечением вместо того, чтобы купить нормальный сертифицированный препарат. Требование наличия рецепта увеличивает их транзакции, которые далеко не каждый потребитель готов нести. Введение формального института обеспечивает провал на данном локальном рынке и ухудшает положение ключевых стейкхолдеров.

Еще пример имени Диогена. Когда возникла необходимость выполнения майского указа Президента о повышении зарплаты некоторым категориям бюджетных служащих, их просто заставили уйти в неоплачиваемые отпуска, тем самым разделив те же деньги на меньшее количество ставок, или перевели на долю ставки (на полставки, например), сохранив при этом ту же зарплату, дабы сделать вид, что ставка оплачивается по более высоким тарифам, и указ формально выполнен.

В логику выполнения данного указа изначально заложен превратный механизм, исходящий из того, что границы между необходимым и прибавочным продуктом можно передвинуть волевым решением. Наш Президент, конечно, большой начальник, но ценовые пропорции, в том числе на рынке труда, неподвластны даже ему.

Цифровизация высшей школы – прекрасный лозунг. Но его внедрение в российской высшей школе означает очередной этап ее развала, стратегии весьма продуманной и последовательной. Вузы «низшей» категории будут вынуждены ликвидировать стандартную очную форму обучения и перейдут на обучение студентов при помощи онлайн-курсов, которые разработаны в Бостоне, Массачусетсе и в Высшей школе экономики. Это в первую очередь попытка лишить отстающие, депрессивные регионы вузовских и научных кадров, тем самым усугубив цифровое неравенство. А как быть, если нужно разрабатывать стратегию развития региона? А если нужно сделать рекомендации для региональной или муниципальной администрации – обращаться в Бостон или в Высшую школу экономики? Прибавим к этому тот факт, что структуры Академии наук существуют далеко не в каждом регионе страны, в наиболее депрессивных из них ведущие интеллектуальные силы сосредоточены именно в вузах. Если сейчас их развалить, интеллектуальный потенциал многих регионов сильно оскудеет.

Т.е. стратегия деинтеллектуализации, предлагаемой под видом цифровизации, очень проста: сделать так, чтобы в стране было меньше умных людей, и реализация этой стратегии требует упорного продолжения курса на импорт институтов [17, 18]. Основная цель, разумеется, в том, чтобы

меньше было умных людей в регионах, чтобы легче было отделить их от России.

Противоречие между миссией и функцией

Ситуация, которую институционалист охарактеризует как провал института, для специалиста в области стратегического менеджмента выглядит как противоречие между миссией и функцией.

Для того, чтобы компания или страна успешно развивались, люди должны работать. А в условиях доминирования формальных институтов они заняты в основном не работой, а *доказательством* того, что они работают, а это совершенно другая задача. Но так устроена система формальных институтов: она требует наличия не самих результатов работы, а наличия доказательств того, что эта работа происходит и приносит результат.

Отсюда глубокое (и все более углубляющееся) противоречие между миссией и функцией. Достичь результатов – это миссия, а предъявить доказательства – функция.

Приведем простой пример из жизни. На городском пляже в Майами поступил сигнал о том, что в нескольких десятках метров от пляжа, на «дикой» его части, тонет человек. Спасатель, который был ближе всех своих коллег к месту происшествия, помчался туда и помог спасти этого человека. Когда он вернулся на свое рабочее место, его ожидала новость о том, что он уволен: самовольно оставив место дежурства, он тем самым подверг потенциальной опасности людей, которые купались во вверенной ему зоне городского пляжа [19].

Разумеется, если ты чувствуешь себя Спасателем, ты побежишь оказывать помощь хоть на другой конец Земли. Но вся проблема в том, что платят тебе деньги не за это. Платят вообще не за миссию, а за функцию. И именно она подлежит регламентации при помощи формальных институтов. Спасать того, кто вне зоны твоей ответственности, – это миссия, и если она не вступает в противоречие с функцией (т.е. ты делаешь это за свой счет и в свое свободное время), то честь тебе и хвала. Однако выполнение спасателем своей миссии не встретило понимания у руководства, поскольку в данном случае оно идет вразрез с функцией, за исполнение которой работник получает зарплату. Ценой внезаконности в данном случае оказалось увольнение.

Подобных примеров можно привести довольно много.

В начале 2019 года социальные сети в России взбудоражил случай, произошедший в одном из уральских сел. Осенью 2018-го года жительница села поскользнулась на ступеньках сельского магазина и упала, результат – рваная рана, которую обработал и зашил местный хирург. При этом он нарушил стандарты оказания медицинской помощи, для строгого соблюдения которых необходимо было везти ее в травмпункт, что, с учетом ожидания в очереди, привело бы к потере как минимум двух часов, и в этой ситуации

потеря крови могла оказаться критичной для жизни человека. По прошествии двух месяцев рана благополучно зажила, здоровье было полностью восстановлено. Однако чиновники местного Минздрава, узнав об этой истории, выразили неудовольствие, пообещав наказать врача в случае повторения подобной ситуации [20].

В данном случае стандарт оказания медицинской помощи предъявляет жесткие требования к стерильности инструментов и материалов, тогда как период времени с момента обращения к врачу до момента оказания медицинской помощи не подлежит регламентации (он находится вне зоны досягаемости формальных институтов), поскольку ввиду удаленности медицинских учреждений от некоторых населенных пунктов не существует определенного агента, на которого можно возложить ответственность за соблюдение данного параметра. Противоречие между миссией и функцией, как в данном случае, нередко выражается в дилемме между внутренней системой ценностей (совестью) и системой инструкций, стандартов и регламентов (законом) (рис. 1) [21].

Многие процессы в наукоемких (и других персонал-зависимых) отраслях не подлежат стандартизации извне. Установление внутренних стандартов является функцией управления компанией, и несоответствие между различными стандартами такого рода часто углубляет противоречие между миссией и функцией, которое может испытывать работник на всех уровнях. Такие ситуации возникают, например, в командных видах спорта, где миссия игрока - хорошо играть, а его функция - упорно тренироваться, и только это позволяет ему заслужить место в составе. Смена главного тренера команды часто приводит к полной переоценке игроков, к их абсолютно иному разделению на «продвинутых» и «отстающих», поскольку эта смена предполагает радикальное изменение принятых стандартов подготовки.

Одним из формальных институтов, позволяющим формализовать критерии отбора в сборную команду по некоторым видам спорта (например, биатлон) и, тем не менее, вызывающим ухудшающий отбор, является так называемый «спортивный» принцип отбора. Он означает, что в сборную команду попадают спортсмены, которые покажут наилучший спортивный результат на внутренних предсезонных сборах. Вначале этот принцип показался большинству экспертов хорошей альтернативой волюнтаризму при выборе спортсменов на основании того, что в них верят тренеры, и до тех пор, пока тренеры не устанут в них верить, место в сборной для них забронировано. Однако впоследствии выяснилось, что торжество объективности при применении спортивного принципа отбора оборачивается падением спортивных результатов по сравнению с теми результатами, которые показали отобранные в сборную спортсмены в процессе этого отбора.

Проблема заключается не в том, что критерии отбора неразумны, а в том, что они существуют. Для того, чтобы отобраться в сборную, ты должен быть на пике формы к моменту отбора, а ведь главные старты сезона идут

ближе к концу. Налицо прямое противоречие между «спортивным» принципом отбора и ожидаемым результатом, который будут способны показать отобранные в сборную команду спортсмены. Учитывая, что ни один спортсмен на свете не может быть в одинаково хорошей форме в течение нескольких месяцев, получается, что нужно быть максимально готовым к моменту отбора, иначе в сборную просто не попадешь.

А тот, за кем забронировано место в команде, может позволить себе спокойно готовиться к главным стартам сезона (чемпионат мира, Олимпийские игры и т.п.), постепенно набирая форму. Поэтому в данном случае, как и во всех прочих, внедрение формальных институтов порождает неблагоприятный отбор.

Рис. 1. Противоречие между миссией и функцией в стратегическом управлении

Миссия научного института заключается в том, чтобы добывать новое знание, получать научные результаты. Миссия вуза – в том, чтобы хорошо учить студентов. А функция этих организаций – в том, чтобы в нужные сроки и в нужной форме представить отчет о проделанной работе в министерство, которому они подведомственны, – например, в Министерство науки и высшего образования РФ.

В приведенном выше примере с закончившимся вином миссия учреждения общественного питания – сделать так, чтобы люди ушли сытые и довольные, а функция – придерживаться системы сертифицированных поставок, в строгом соответствии с установленным регламентом.

В примере с лекарствами, отпускаемыми исключительно по рецепту, миссия фармацевтических учреждений – помочь людям стать здоровыми, а функция – охранять общество от незаконного оборота сильнодействующих препаратов. Но как быть, если список лекарств, для покупки которых нужен рецепт, расширен до безобразия (сейчас в него попали все антибиотики, абсолютно все), а житель сельской местности не всегда в состоянии доехать до врача в райцентр, чтобы получить рецепт? Для людей, живущих в мало-

населенных и слабо освоенных районах страны, куда машина скорой помощи добирается полтора часа, добывание необходимого рецепта превращается в отдельный квест. Фактически упомянутое расширение перечня лекарственных препаратов, отпускаемых по рецепту, лишает этих людей какой бы то ни было возможности легально получить медицинскую помощь по месту жительства, что, разумеется, в долгосрочной перспективе приведет к исчезновению населения с соответствующих территорий.

Функция всегда подлежит некой алгоритмизации и регламентации. Даже если под ними не заложены формальные институты, регламент все равно существует, пусть неформальный – что-то вроде тренерской уставки на игру.

Миссия редко подлежит регламентации, поскольку мало в ней нуждается. И, разумеется, даже в тех случаях, когда делаются попытки (впрочем, не всегда удачные) эту миссию формализовать, – все равно отдельные работники крайне редко представляют себе миссию в том виде, в котором она записана на сайте компании, где они работают.

В качестве последнего штриха к данному вопросу заметим, что формализация институтов в разных сферах вызывает последствия разной степени разрушительности. Ухудшающий отбор возникает в любом случае, но порой его последствия не фатальны и в целом поправимы. В других случаях управляемая система путем применения формальных институтов загоняется в *институциональную ловушку*, т.е. ситуацию, когда однажды возникшее состояние или однажды совершенное действие создает условия для дальнейшего воспроизводства, повторения этого состояния или действия, и в то же время подрывает, истощает, исчерпывает предпосылки, при которых это повторение возможно [22, с. 115].

Бюрократизация (введение формальных институтов с целью подмены миссии функцией) в образовании, науке, здравоохранении крайне опасна, но эта опасность проявляется с определенными лагами, а в промышленности (даже со столь медленным оборотом капитала, как, например, в авиакосмической промышленности) последствия бюрократизации сказываются немедленно. Производство бумаг вместо производства знаний и идей не очень заметно, и вред от него (по крайней мере, в коротком горизонте) не столь очевиден, а производство бумаг взамен летательных аппаратов настолько очевидно и настолько губительно, что с подобных отраслей и нужно начинать очистку сферы управления страной от либерально-бюрократической плесени.

Литература

1. Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М. Россия на пути к цифровой экономике: ловушки и вызовы // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: Материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Выпуск 1. – М.: Изд. дом ГУУ, 2017. – С. 74-86.

2. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А. Системная сбалансированность экономики: Монография. – М.: Научная библиотека, 2017. – 320 с.
3. Нижегородцев Р.М. Формализация институтов как механизм ухудшающего отбора // Глобализация экономики и российские производственные предприятия: Материалы 16-ой Международной научно-практической конференции, 14-18 мая 2018 года, г. Новочеркасск. – Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2018. – С. 27-39.
4. Рубинштейн А.Я. О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе // Вопросы теоретической экономики. – 2019. – № 1. – С. 116-132 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inecon.org/docs/2019/VTE_2019_1.pdf.
5. Goridko N.P., Nizhegorodtsev R.M. Public Losses – Private Gains: Some Institutional Filters for Russian Economy // IFAC-PapersOnLine. 2018. Vol. 51. Iss. 11. P. 868-875 [Electronic source]. Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/ifac-papersonline/vol/51/issue/11>.
6. Литой А. Фокус-Scopus. Как за деньги купить место среди соавторов западного научного журнала // The Insider [Электронный ресурс, 10.07.2019]. – Режим доступа: <https://theins.ru/obshestvo/165368>.
7. Вскрытие покажет. Почему россияне массово умирают от неверных диагнозов? [Электронный ресурс, 29.06.2019]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/37804083/?frommail=10>.
8. Москву опозорили на весь мир [Электронный ресурс, 29.08.2018]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/community/40679261-moskvu-opozorili-na-ves-mir/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news.
9. Бринза В.В., Моисеев Ю.И., Агеев В.И. Комплексная оценка действий хоккеиста // Хоккей: Ежегодник. – М., 1984. – С. 33-38. Режим доступа: <http://sportlib.su/Annuals/Hockey/1984/p33-38.htm>.
10. Потемкин Е. Как правильно оценить хоккейный рейтинг игрока// Спортивные игры. – 1986. – № 8. Режим доступа: http://www.cnopm.ru/hockey/information/1986/august/how_to_evaluate_hockey_player_rating.
11. Полозов А.А. Рейтинг в спорте: вчера, сегодня, завтра. – М.: Советский спорт, 2007. – 316 с.
12. Насколько объективно отражают цифры в таблицах реальную игру маленького спортсмена? [Электронный ресурс, 15.05.2015]. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/3852671/>.
13. Sky: глава МВД Великобритании ушла в отставку // ТАСС [Электронный ресурс, 30.04.2018]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/33331428/?frommail=1>.
14. Мальцев И. Суэта под леволибералами до добра не доводит [Электронный ресурс, 17.12.2019]. – Режим доступа: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fopinions%2F2019%2F12%2F17%2F1011588.html&promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
15. Симченко Н.А., Цёхла С.Ю., Нижегородцев Р.М., Горидько Н.П. Институты формирования нового качества экономического роста. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018. – 172 с.
16. Нижегородцев Р.М. Провалы институтов и неравновесие на локальных рынках // Глобализация экономики и российские производственные предприятия: Материалы 17-й Международной научно-практической конференции в рамках Научного форума «Неделя инженерной экономики», 13-17 мая 2019 г., г. Новочеркасск: в 2-х ч. Ч. 1. – Новочеркасск: Изд-во «НОК», 2019. – С. 82-88.
17. Нижегородцев Р.М. Импортозамещение институтов: ключевая задача обеспечения национальной безопасности // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2016. – № 4 (66). – С. 5-18.

18. Нижегородцев Р.М. Импортзамещение институтов в современной экономической политике: от методологии к принятию решений // Евразийское пространство: добрососедство и стратегическое партнерство: Материалы VIII Евразийского экономического форума молодежи (Екатеринбург, 19-21 апреля 2017 г.). Том 1. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экон. ун-та, 2017. – С. 80-92.
19. Спасателя в США уволили за спасение утопающего [Электронный ресурс, 05.07.2012]. – Режим доступа: <http://news.rambler.ru/14603607/>.
20. Российского врача решили наказать за спасение умирающей соседки. Его поддержала вся страна // Лента.ру [Электронный ресурс, 11.05.2019]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/37242811/?frommail=1>.
21. Nizhegorodtsev R., Goridko N. Motivation Management: Towards a Digital Paradigm // Quality - Access to Success. 2019. Vol. 20, S3. Pp. 79-84 [Electronic source] – Available at: https://www.srac.ro/calitatea/en/arhiva/supliment/2019/Q-asContents_Vol.20_S3_October-2019.pdf.
22. Нижегородцев Р.М. Методология принятия инновационных решений: Уч. пособие. – Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2018. – 178 с.

Поступила в редакцию

03.09.2019

Горидько Нина Павловна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономической динамики и управления инновациями Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, г. Москва, Россия.

Goridko Nina P. – candidate of economics, senior researcher in V.A. Trapeznikov Institute of Control Science RAS, Moscow, Russia.

Нижегородцев Роберт Михайлович – доктор экономических наук, заведующий лабораторией экономической динамики и управления инновациями Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, г. Москва, Россия.

Nizhegorodtsev Robert M. – Doctor of Economics, laboratory chief in the Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Россия, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 65
65, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russia
e-mail: horidko@mail.ru
e-mail: bell44@rambler.ru